

Глава 6: Великая техника Девяти тайн

Четыре больших судна подняли якоря и направились вверх по реке на запад. Сун Шидао говорил правду: за его плечами действительно стояла большая сила.

Во всем мире наибольшей славой обладали четыре могущественных клана. Но если говорить о популярности, то из всех четырех непревзойденной оставалась семья Сун. Клан Сун обладал наибольшей властью в южных провинциях. Его лидер, Небесный Меч Сун Цюэ уже давно удерживал титул лучшего мечника во всей Поднебесной.

Когда Ян Цзянь объединил страну и основал Великую династию Суй, поскольку опасался клана Сун и чтобы предотвратить их возможное недовольство, он принял решение даровать Сун Цюэ титул Верховного наместника Южных провинций. Понимая, что сила Южных династий уже угасла (период власти с 420 по 589 гг.), Сун Цюэ склонился перед волей нового Императора, чтобы защитить свой клан.

Другие три клана имели кровные связи с людьми, не принадлежащими к народу Хань, но только не этот. Поддерживая репутацию, в клане Сун упорно следовали обычаям, запрещавшим его членам вступать в брак с кем-либо, не принадлежащим ханьцам, отчего во всем мире Сун был известен как клан, верный традициям.

Во время правления Ян Цзянь, хотя влияние Сун Цюэ было велико, он все же не решался действовать слепо, не задумываясь. Он скрывал свою собственную силу и выжидал, сконцентрировавшись на том, чтобы его амбиции не привели к беде. Когда Ян Гуан вззошел на престол, страну сотрясало от внутренних беспорядков и внешних угроз, императорский двор был коррумпирован, и повсюду вспыхивали очаги восстаний. Клан Сун также проявил свою активность вновь.

Младший брат Сун Цюэ, Мировой Меч Сун Чжи, слывший не только одним из сильнейших воинов, но и одаренным стратегом, понимал, что сила правящей династии все еще слишком велика, и если клан Сун преждевременно выдвинет свое войско, то тут же станет главной целью армии Суй. И он посоветовал старшему брату повременить с открытым восстанием против семьи Суй, а вместо этого сосредоточиться на накоплении ресурсов и влияния во всех видах прибыльной торговли.

Одним из самых прибыльных предприятий оказалась незаконная перевозка соли из прибрежных регионов внутрь страны по реке Янцзы. Клан заработал на этом огромные средства. Все четыре корабля Сун Шидао были забиты незаконной морской солью с побережья.

Поскольку все правительство было коррумпировано, клану Сун не составило труда получить доступ ко всем ключевым пунктам на пути и практически открыто транспортировать соль.

И если бы какой-нибудь правительственный чиновник осмелился расследовать и арестовывать поставки, ему пришлось бы иметь дело со всеми возможными методами запугивания. Иногда доходило и до тайных убийств.

И несмотря на то, что повсюду были повстанческие войска, никто не осмеливался препятствовать тем, кто действовал под знаменами Сун, боясь навлечь на себя гнев этого могущественного клана. И всего за несколько лет силы клана выросли многократно. Настолько, что он даже тайно снабжал отдельные армии ополчения, чтобы ослабить силы Суй.

У Сун Цюэ было четыре сына и две дочери. Сун Шидао являлся самым младшим из сыновей, и его собственной задачей было следить за поставками соли. Отец сильно на него в этом

полагался.

Дочерьми Сун Цюэ были Юйхуа и Юйчжи, молодые девушки, прекрасные, как два цветка. Они были его четвертым и шестым ребенком соответственно. Три года назад Сун Юйхуа была выдана замуж за Се Веньлуна, сына Се Хуэй, великого героя из города Чэнду провинции Сычуань.

Се Хуэй, также известный как Загробный Судья, был одним из величайших мастеров боевых искусств, наравне с Сун Цюэ и Сун Чжи, основателем стиля "Оплот Превосходства" и главой одной из самых известных семей за пределами четверки сильнейших кланов.

Свадьба Сун и Се оказалась политически и экономически выгодной сделкой, сформировавшей новый альянс, который теперь представляет серьезную угрозу даже для Ян Гуана.

В этом путешествии конечной точкой для четырех кораблей как раз и являлась провинция Сычуань, где Загробный Судья Се Хуэй, в свою очередь, распространит груз среди местных торговцев солью.

В это время, в просторной комнате на второй палубе одного из больших кораблей, Коу Чжун лежал на кровати, держа в руках "Таинство Долголетия". Он был погружен в изучение диаграммы человеческого тела, начертанной на ее страницах. Несмотря на то, что в каюте было полно мебели, Сюй Цзылин сидел на полу у стены, обняв колени. Он был в смятении.

Почему же, когда он видел женщину в белом и Сун Шидао вместе, он так ревновал? Хотя отношения с девушками казались ему по-своему манящими, он никогда не испытывал ни чрезмерных ожиданий, ни тем более заблуждений. Как ни посмотри, но между ним и женщиной в белом действительно была большая разница, во многих аспектах. Она была старше — на семь, может быть, на восемь лет. Неужели Коу Чжун прав, и он действительно влюбился?

Но все больше раздумывая над этим, он убеждался, что это не совсем так.

Когда он смотрел на девушек из "Весеннего ветра", то испытывал, например, желание заключить их в объятия, но в отношении к женщине в белом ничего подобного он не чувствовал. Даже когда он находился с ней совсем-совсем близко, его сердце было наполнено уважением и только лишь теплой, чистой любовью, но никак не похотью и не тем желанием, что бывает между мужчиной и женщиной.

Он не мог не спросить:

— Брат Чжун! Ты правда думаешь, что я влюбился в эту... в нее?

— Не отвлекай! — Нетерпеливо ответил Коу Чжун. — Я изучаю самое грозное в мире боевое искусство, которое вовсе не боевое искусство!

В комнате снова повисла тишина.

После полудня Коу Чжун отложил "Таинство Долголетия", затем встал с кровати и подошел к Сюй Цзылину. Скопировав его, он сел рядом на пол. Приобняв брата за плечи, Коу Чжун сказал:

— Извини, я был явно не в духе. Боюсь, даже восставший призрак Гуйгу Цзы (мифологический автор философского даосского трактата) не сможет расшифровать эту призрачную книгу. Ну

да ладно. Что ты там спрашивал?

Увидев, что Сюй Цзылин зол на него и не хочет разговаривать, он быстро добавил:

— А, вспомнил! Слушай, настоящему мужчине не стоит беспокоиться о том, что не найдет себе жену. Эта жен... она просто не заслуживает никого из нас, двух братьев. Этот Сун Пердао вдобавок может запросто отметелить нас со связанными руками, и особо не напрягаясь. Лучше нам побережь силы и потратить время на то, чтобы изучить книгу. Или чтобы поесть. Или чтобы поспать...

Сюй Цзылин все еще терзался раздумьями:

— Но неужели я и правда втюрился?

Коу Чжун на секунду задумался, а потом ответил:

— Ну, знаешь, я вот тоже ревную, прямо как ты. Но я не думаю, что влюбился в нее. Во! Мои чувства к ней похожи на чувства к Сестрице Чжэнь; она правда не заслужила быть наложницей этого урода У Фэна, но что я могу с этим поделать? Похоже, я понял! Я думаю, братец, что ты относишься к ней вроде как к своей мамочке. А кто ж хочет, чтобы его мамуля заново вышла замуж? Особенно за такого пустозвона, как этот наш Сун Пердао. Хм, а это имя здорово ему подходит, не считаешь?

Сюй Цзылин какое-то время старался сдержаться, но вскоре разразился смехом, таким сильным, что его глаза заблестели от слез.

Внезапно дверь в каюту открылась нараспашку.

Мальчики оторопело подняли головы и увидели, как женщина в белом вошла внутрь с совершенно зловещим выражением на лице, как будто покрытом коркой льда. Она закрыла дверь, а затем яростно уставилась на двух братьев.

Она подошла к мальчикам и, постучав в стену, у которой они сидели, сказала:

— Не забывайте, кто находится по соседству. Покуда стены здесь сделаны не из стальных плит, вся ваша идиотская болтовня долетает до моих ушей.

Коу Чжун отчаянно защищался:

— Но ведь "мамуля" — это же не обидно! В чем мы опять виноваты-то?

Женщина в белом опустилась на одно колено и зло сказала:

— Вы двое — трупы. Понятно вам, недоноски?

При последних словах едва заметная мимолетная улыбка пропала в уголках ее губ. И как двум братьям нужно было догадаться, что на самом деле она не так уж зла на них? Сюй Цзылин взмолился:

— Но мы же до сих пор не знаем вашего имени!

Женщина в белом понизила голос:

— А вы мне свои имена сказали?

Выражение лица Коу Чжуна изменилось, сейчас оно буквально говорило: "а ведь и правда". Он поспешил представиться:

— Мое имя Коу Чжун, а это Сюй Цзылин. Мы — Два Дракона Янчжоу! Могу ли я теперь спросить почетную фамилию Милосердной и ее имя? А прозвище у вас есть? А откуда вы родом? А вы замужем?

— Пфф! — Женщина в белом подавила смешок, пробормотав вполголоса. — Мертвый маленький демон.

И сделала это с таким невыразимо завораживающим видом, что оба брата вытаращились на нее.

Но тут же лед снова сверкнул в ее глазах и она холодно сказала:

— Замужем или нет — не ваше дело. Но если вы, мелкие демонята, снова начнете чесать языками за моей спиной, то я... Я...

Делая вид, что забеспокоился, Коу Чжун спросил:

— И какое наказание на этот раз? Пожалуйста, не бейте нас по губам и не отдирайте веки. Это же никуда не годится! Мелкие демонята должны сохранять лицо мелких демонят!

Женщина в белом знала, что уже не может причинить им вред; она сердито сказала:

— Я заставлю вас пожалеть об этом! Во время обеда я запрещаю вам болтать глупости. Ясно?

Коу Чжун сказал сквозь смех:

— Нам правда лучше называть Милосердную мамочкой всякий раз, когда мы пользуемся ее деньгами. Это хотя бы будет выглядеть естественно.

Щеки женщины в белом неожиданно покрылись румянцем, словно два розовых облака, сделав ее прекрасное лицо еще более милым и соблазнительным, и особенно — ее смелые, но нежные глаза, взгляд которых буквально мог пронзить сердце любого человека.

Коу Чжун и Сюй Цзылин переглянулись и в один голос сказали:

— Мамуля!

Наконец женщина в белом не выдержала; она засмеялась и села рядом. Заходясь смехом, она едва могла говорить:

— Если бы у меня было два таких совершенно бессовестных, безнадёжных сына, я бы с ума сошла.

Увидев, что она не только не разозлилась, а напротив — смеется во весь голос, и что в этот момент она выглядит такой очаровательно счастливой, какой он не видел ее никогда раньше, Коу Чжун немного осмелел и решил воспользоваться возможностью:

— Мамочка! Наша дорогая мамуля! Твои дети восхищены твоим боевым искусством, особенно после того, как ты оправилась от ран, нанесенных Юйвэнь Хуацзи, всего за несколько часов! Прошу, обучи нас своим великолепным техникам, покажи парочку уникальных семейных приемчиков! Уж тогда мы докажем славу нашей семьи, а вам не придется за нас краснеть!

Смех заразителен. Только начав смеяться, даже понимая, что Коу Чжун намеренно ее дразнит и пытается развеселить, она не могла остановиться. Ей пришлось прикрыть рот рукой.

Едва сдерживаясь, она ругала его:

— Хватит нести чушь. Демоненок Сюй Цзылин и то более честный, чем ты. В твоей болтовне никакого благородства.

Коу Чжун притворился оскорбленным; он сказал писклявым голосом:

— Это братец Лин-то честный? О, Небеса! Он еще хитрее, чем я. Он просто втрескался в свою мамулю, поэтому и ведет себя как дурак.

Сюй Цзылин возмущенно сказал:

— С каких это пор я вдруг стал хитрее? Все эти хитрые идеи идут от тебя, а я-то, дурак, только и делаю, что их выполняю. А теперь ты еще смеешь меня обвинять во всех грехах?

Женщина в белом изо всех сил старалась не смеяться. Посмотрев в окно на солнце, она вздохнула и сказала:

— Я, должно быть, тоже совершила парочку непростительных грехов в прошлой жизни, раз в этой мне свалились на голову такие детки. Ладно, хоть я и знаю, что ничего путного из этого не выйдет, все-таки попробую показать вам, как следует тренироваться. Если будет получаться, тогда перейдем к владению мечом. Но запомните: вы мне не дети, более того, вы мне не ученики.

Последняя фраза немного привела мальчиков в чувство. Они хором спросили:

— А ты нам тогда кто?

Женщина в белом была ошеломлена. После долгой заминки она сказала с кривой усмешкой:

— Да откуда я знаю!

Но где-то в сердце она ощущала теплоту.

Она и сама не до конца понимала, почему теперь ей так сложно расстаться с этими двумя мальчишками. Даже когда они смеясь называли ее "мамулей", она не нашла в себе силы устроить им взбучку.

Она была такой же сиротой, выросшей в хаосе войны, которую приютил мастер меча Фу Цайлинь. С самого детства ее обучали искусству отнимать жизни наравне с языком и культурой ханьцев. И причина, по которой она прибыла теперь на юг, являлась частью ее миссии.

Все еще радостно смеясь, Коу Чжун сказал:

— Вообще-то, роль нашей мамочки я считаю очень подходящей. Предлагаю сразу перейти к делу. Мамуля, скорей научи нас какому-нибудь совершенному искусству!

Женщина в белом сердито посмотрела на него, а затем спокойно сказала:

— Мое имя Фу Цзюньчао. Если хотите, можете называть меня сестра Чао. Я не могла и

представить, что в этом путешествии окажусь связана с вами, такими легкомысленными и непослушными мальчишками.

Коу Чжун заметил, что ее настроение и ее слова сильно расходятся; он подмигнул и сказал:

— Я все еще предпочитаю называть тебя мамочкой. А ты, братец Лин?

Фу Цзюньчао мягко ответила:

— Ты хозяин своему языку; называй, как хочешь.

Сюй Цзылин был переполнен эмоциями настолько, что готов был расплакаться, его глаза уже немного покраснели. Склонив голову, он протянул:

— Ма-а-ам!..

Фу Цзюньчао и сама совсем нескоро смогла справиться с эмоциями, прошло какое-то время, прежде чем она смогла взять себя в руки. Наконец она холодно сказала:

— Можете называть, как хотите, но я все равно отказываюсь признавать, будто вы мои сыновья, не ожидайте от меня ничего подобного. Ладно, теперь я попробую обучить вас основам медитации, которая позволит вам развить вашу ци. Это особая техника, которую передал мне мой мастер, и без моего одобрения вы не должны показывать ее кому бы то ни было, иначе, как бы я ни противилась, но по законам моей школы я буду вынуждена убить вас за это.

Оба мальчика закивали, подтверждая свое согласие.

Фу Цзюньчао торжественно сказала:

— Мой учитель Фу Цайлинь достиг огромного успеха в комбинировании разных техник с Центральных равнин, Сиюй и Гаоли, выработав со временем свой собственный стиль. Вместе с Великим мастером Запада, Би Сюань, и искуснейшим даосским мастером, Нин Даоци, он входит в трицу самых известных знатоков боевых искусств нашего времени. Однажды он сказал: "Достаточно лишь почувствовать, как течет и меняется внутри нас божественная энергия". Он также сказал, что внутри каждого сокрыт его собственный неиссякаемый кладезь силы, но люди не видят его, они ослеплены своими внешними привязанностями.

— Неудивительно, что мама сказала нам, что лучшее время для обучения — это раннее детство, просто потому что дети имеют меньше всего привязанностей к окружающему их миру. Вероятность, что именно они смогут освободиться и найти просвещение, гораздо выше.

Фу Цзюньчао на мгновение задумалась, а потом сказала:

— Я не рассматривала этот вопрос именно в таком ключе. А этот ребенок начинает кое-что понимать!

Коу Чжун гордо сказал:

— Этому ребенку, моему братцу Лину, вечно приходят в голову всякие вдохновляющие мысли, так что он тебя еще удивит.

Фу Цзюньчао сердито посмотрела на него.

— А другой ребенок вечно пытается показать, какой он умный. Будь осторожен, такие вот

умники больше всего закидываются на окружающих вещах, и отвлекающие мысли как раз являются для них барьером, мешающим постигать даже начальные навыки. Только обратившись к сердцу и как следует сосредоточившись, вы сможете обуздать собственное "Я" и приблизиться к божественному. Шаг за шагом, постигая технику, вы научитесь контролировать внутренние каналы, сможете согласовать движение ваших ци и крови, заставляя благоприятное и неблагоприятное циркулировать и сменять друг друга в полной гармонии.

Почесав голову, Коу Чжун спросил:

— Выходит, что самый сильный мастер боевых искусств должен быть при этом и самым тупым? Получается, ты тоже бестолковая?

Фу Цзюньчао была зла, но вместе с этим и озадачена; конечно, она не бестолковая, но как парировать такой аргумент, она не знала. Еще днем раньше она просто-напросто дала бы ему затрещину, но теперь у нее не поднималась рука на детей, зовущих ее мамой.

Пока она дулась, Сюй Цзылин позволил себе заговорить вместо нее:

— Нет, конечно. Тот, кто может изучить боевые искусства и основать свое учение, должен уметь созидать, только тогда он сможет превзойти обычные способности и достижения предыдущих поколений. По-видимому, она говорит о людях, которые острые на язык, но при этом мелко мыслят, а не о ком-то мудром и с широкими взглядами, о ком-то очень умелом, хотя внешне выглядящим вполне обычным человеком. Уверен, наша мама как раз из таких: великого ума, просто кажется тупой.

Коу Чжун и Фу Цзюньчао вместе посмотрели на Сюй Цзылина. Такой глубокой мысли от него точно никто не ждал. Они были тронуты. Фу Цзюньчао кивнула и сказала:

— Этот малец точно кое-что понимает.

Коу Чжун обрадованно добавил:

— Мой братец и правда разбирается! Я бы сказал, что он выглядит неуклюжим и недалеким, но за этой маской скрыта великая мудрость, которая обычно проявляется как великая тупость, не позволяющая ничего за ней разглядеть. В отличие от его наставника, то есть меня, который при всей своей умудренности рядом с ним кажется человеком острым на язык, но при этом мелко мыслящим.

Фу Цзюньчао легко постучала его по голове костяшками пальцев.

— Если и дальше будете придуриваться, я не стану ничему вас учить.

Коу Чжун потер голову и возразил:

— Мам, а нельзя в следующий раз просто лупить меня по задку? Иначе, если ты будешь бить меня по голове, как я смогу выучить твою непревзойденно-великую технику?

Фу Цзюньчао не собиралась больше бессмысленно препираться с ним, она просто сказала:

— То, чему я собираюсь вас научить, называется "Великой техникой Девяти тайн". Она начинается с простейшей, первой ступени, и постепенно доходит до самой сложной, девятой. Кроме моего наставника, больше никто не смог освоить Девятую тайну. Даже мамуля... Ой! То

есть... Даже я дошла только до шестой.

Фу Цзюньчао назвала себя так не подумав. Смутившись, она снова немного покраснела, став от этого еще более очаровательной, чем была прежде. Заметив, что мальчики едва сдерживаются, чтобы не засмеяться, она сказала недовольно:

— Ничего смешного! Хотите вывести меня из себя? Вы вообще собираетесь учиться или нет?

Они усиленно закивали, подтверждая.

Фу Цзюньчао снова понадобилось какое-то время, чтобы взять себя в руки. Она продолжила:

— Дух преобладает над формой. Сперва зарождается духовное начало, затем разум контролирует движение. Итак, мысль — это движение. Если попробовать отказаться от него, постараться не думать, может возникнуть ощущение пустоты, однако эта пустота на самом деле не пуста — не в том смысле, который мы в это вкладываем. Это абсолютные мир и покой, и их существование не может возникнуть случайно. Поэтому важно понимать, что все непреднамеренное является на самом деле намеренным. Осознание этого позволяет подняться на первую ступень из девяти.

После короткой паузы она продолжила:

— Не нужно стремиться к этому первому уровню. Многие люди потратили целую жизнь, но так и не смогли соединить разум и ци, пытаясь сначала постичь форму, а не дух, и в конце концов остановились на полпути, не достигнув ничего.

Увидев, что мальчики качают головами так, будто все понимают, она была изумлена.

— Вы хоть поняли, что я сказала?

Коу Чжун переспросил в удивлении:

— Все просто же, что тут можно не понять?

Фу Цзюньчао вспомнила, что наставник очень хвалил ее удивительный талант к искусствам, однако только сейчас, когда уже достигла шестой ступени, она в полной мере начала постигать суть его учения. Как эти мальчишки могли разобраться в нем, услышав только однажды?

Указав на Коу Чжуна, она сказала:

— Ты. Ну-ка объясни, что ты там понял.

Коу Чжун с удивлением ответил:

— Ты объяснила так хорошо, что мне уже трудно будет подобрать другие слова. Но раз так, я скажу, что мы должны использовать бесформенный метод, то есть обращаться не к мысли, а к духу. Когда представится возможность, мы будем способны заглянуть в себя и увидеть то внутреннее сокровище, о котором ты говорила. Тогда, освободив наши дух и разум, мы сможем использовать непреднамеренное мышление, чтобы обуздать его и воззвать к своей ци... О, Небеса, можно нам уже начать?

Услышав это, Фу Цзюньчао была ошеломлена. Это объяснение было едва ли не понятнее, чем слова ее мастера. Талант этого мальчика был и правда потрясающим, и жаль, что его жизнь

сложилась таким неудачным образом.

Сюй Цзылин сказал:

— Ты слишком спешишь. Уже одни только разговоры о ненамеренном являются намерением, грань слишком тонка, сложно намеренно ни о чем не думать. Но если получится, это и будет состоянием, где пустота не пуста, где абсолютные мир и покой, которые не возникают случайно — их можно только добиться.

При этих словах Фу Цзюньчао застыла в восхищении. Эти мальчики были словно два драгоценных, но не ограненных камня. Она была поражена их внутренним светом, способным разогнать десять тысяч чжан непроглядной тьмы.

Коу Чжун был смущен.

— Я просто пересказал, как смог. Пожалуйста, расскажи нам теперь про метод с формой, чтобы нам знать наперед; так что я буду выжидать удобный момент, даже когда ем или испражняюсь.

Фу Цзюньчао сердито цыкнула на него.

— Веди себя прилично! Сначала я научу вас, как правильно сидеть, скрестив ноги, и методу циркуляции ци. Я скажу один раз и повторять не буду.

Но тут раздался стук в дверь. На самом деле, исходил он от двери в комнату Фу Цзюньчао.

Она вздохнула и сказала:

— Хорошо, продолжим после обеда.

Заметив, что это сильно расстроило мальчиков, она уже почти подумала о том, чтобы отклонить предложение Сун Шидао.

В ее сердцеросло теплое чувство к этим двум непоседливым сыновьям.

Перевод: Rho, Lewdell

Редактура: Lewdell

<http://tl.rulate.ru/book/898/208981>